

Вольфганг Отт

**Стальная акула
Немецкая субмарина
и ее команда
в годы войны. 1939-1945**

УДК 830
ББК 84(4Гем)
О-87

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Военный роман»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Отт Вольфганг
О-87 **Стальная акула. Немецкая субмарина и ее команда
в годы войны. 1939—1945 / Пер. с англ. Е.А. Лама-
новой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. — 431 с. —
(За линией фронта. Военный роман).**

ISBN 978-5-521-85432-5

Этот мировой бестселлер посвящен самому антигуманному оружию
в военно-морской истории — немецкой субмарине. Автор точно воссозда-
ет технические тонкости стратегии и тактики ведения морского боя,
достоверно передает сложную психологическую атмосферу тяжелых буд-
ней подводников. В захватывающем повествовании отражена вся правда
о войне, вся грязь и мерзость ужасающей бойни...

УДК 830
ББК 84(4Гем)

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2011
© Художественное
оформление серии, ЗАО
«Центрполиграф», 2011

ISBN 978-5-521-85432-5

Глава 1

Они жили в матросском кубрике. Их койки располагались по левому борту; койка Штолленберга вверху, а койка Тайхмана — внизу. Штолленберг сидел на ее краю и натягивал носки; ноги его были чистыми, а носки заштопанными, но Тайхман велел ему убрать свои потные ноги.

Поставив ногу на край койки Тайхмана, Штолленберг слез вниз и уселся на лавке напротив.

Тайхман смотрел, как он вытряхнул из сапог тараканов, проверил рукой, не осталось ли их внутри, натянул сапоги на ноги, подошел к хлебному шкафчику, отрезал кусок засохшего батона, выковырял ножом тараканов из банки с джемом, намазал толстый слой красного джема на хлеб и вонзил в него зубы.

Тайхман повернулся к стене.

— Пошли чистить картошку, уже скоро восемь, — с набитым ртом произнес Штолленберг.

Тайхман лежал не двигаясь.

— Понимаю, не хочется, — кивнул Штолленберг. — Но все равно, давай шевелись.

Тайхман продолжал лежать. Его раздражала настырность Штолленберга. «Всего шесть месяцев назад он сидел со мной за одной партией в школе, а когда его вызывали к доске и он «плыл», — подумал Штолленберг, — я подсказывал ему, он тоже мне помогал, когда я «плыл», но я делал это чаще, а главное, лучше. Он и тогда не блистал умом, а сейчас ведет себя так, как будто он здесь хозяин и...»

— Вставай, моряк, пора отлить, — сказал Хейне, ткнув Тайхмана пальцем в спину.

Матросы стояли с подветренной стороны верхней палубы и чистили картошку. Питт плюнул в воздух, и ветер отнес его плевок за борт. На второй день своего пребывания на судне Тайхман, страдавший морской болезнью, попробовал вот так же плюнуть, но ветер дул ему в лицо, и плевок отпечатался прямо на иллюминаторе штурманской рубки, где старпом прокладывал курс. Тайхман хотел, чтобы плевок Питта попал туда же, но ветер не доставил ему такого удовольствия. Он вспомнил, как его били, и Питт усердствовал больше всех, а он был слишком болен, чтобы отбиваться. Штолленберга и Хейне они поставили на стremу, чтобы те не смогли помочь ему.

Тайхман никак не ожидал, что его изобьют. Он был хорошо сложен, правда, только выше пояса. У него была большая широкая грудь и длинные мускулистые руки с кулаками, умеющими бить быстро и точно, но бедра и ноги у него были сухими и тощими, а суставы выглядели хлипковато. В нем было почти шесть футов роста, и при ходьбе он слегка наклонялся вперед, как будто ему трудно было держать прямо свое массивное тело. Длиннорукий, он чем-то походил на орангутана, правда, с симпатичным лицом.

Питт посоветовал Тайхману встать против ветра, тогда ветер будет дуть ему в рот и не позволит пище выйти наружу. Но это не помогало, и ветер свистел в его ушах. В этот вечер ему пришлось стирать не только свои провонявшие брюки, но и брюки других моряков, даже тех, кого не было на палубе, когда его выворачивало. Он стал было возмущаться, но его снова избili. Он очень страдал от морской болезни. Это была настоящая морская болезнь, совсем не та, какую воображают себе сухопутные неженки, идущие на катере из Куксхафена на Гельголанд и блюющие, перевесившись через поручни. Сначала он тоже блевал, но потом его желудок опустел и ничего, кроме желчи, из него не шло. Так продолжалось с неделю; он лежал на койке, сложившись пополам, словно ребенок в утробе матери, и мечтал о том, чтобы умереть.

Чан с картошкой был полон. Тайхман потащил его на камбуз. В дверях капитанской каюты стояла Дора в рубашке и длинных мужских брюках.

— Заходи, малыш, посмотри, как плачет старушка.

Тайхман оставил чан на камбузе и на обратном пути снова прошел мимо капитанской каюты. На этот раз на Доре был зеленый пуловер. Ее глаза покраснели, а из каюты разило духами и алкоголем.

- Ты что, боишься меня, малыш?
- Вовсе нет, к тому же я не такой уж малыш, почти шесть футов росту.
- Шесть футов и шестнадцать лет.
- Скоро будет семнадцать.
- А что ты делаешь, когда бываешь в Бремерхафене?
- Так, присматриваюсь.
- У тебя есть подружка?
- Нет.
- Тогда к кому же ты ходишь?
- Ну, в дамочках недостатка не бывает.
- Но для первого раза лучше найти кого-нибудь другого.
- Что значит «для первого раза»?
- А, так для тебя это не впервой. Ну, тогда ты и со мной можешь. Разве я хуже других дамочек?
- Ничем не хуже.
- Разумеется, не хуже, — кивнула Дора и добавила:
- И зачем только ты это сказал. Мне неприятно.
- Но ведь это правда.
- Все равно, не стоило говорить.
- Но ведь на судне все знают...
- Что они знают? Что пять лет я была не у дел и жила как монахиня, потому что мой муженек наградил меня заразой? Знают они это?
- Я не знал.

— Ну и плевать на это. Так что, может, все-таки зайдешь? Что ж, не хочешь, не надо. Никто тебе не навязывается. Отваливай.

Вот тебе и Дора, подумал Тайхман. Она впервые заговорила с ним, до этого его не замечала. Ему было известно только то, что старик представил ее как свою жену.

Когда сеть подняли, она оказалась полной. Палубу покрыл слой селедки в метр толщиной. Матросы лопатами бросали рыбу в корзины и потрошили ее.

— Доре нужно только одно — хорошая, крепкая выпивка, — сказал днем старший помощник, когда Тайхман сто-

ял на вахте у штурвала. — Это самое лучшее средство от ее сексуальной озабоченности. Ты себе даже представить не можешь, как тащились от меня когда-то шлюхи. Но я им никогда не платил. Удовольствие получали оба, говорил я. И они понимали, что я прав. Да, сынок, так и надо делать. — Старпом воткнул мизинец себе в ухо и затряс рукой, словно вибратором. Затем вытащил из куртки бутылку и приложился к ней.

— Выпьешь?

— Я на вахте.

— Все правильно. Может, и к лучшему, что не пьешь. Курс будет точнее. А я вот без этого не могу. Как тебя зовут?

— Тайхман.

— Я имею в виду имя.

— Ганс.

— Ну-ка, Ганс, держи. Выпивка — лучшее лекарство от тоски. Когда-то и я мечтал о девушке. Она была высший класс — из хорошей семьи и все такое прочее. Но я ей был не нужен, вот и начал пить. С тех пор сплю со всеми шлюхами подряд, мне все равно. Сунул, вынул и получил свое. Простой механический процесс, такой же, какой описан в учебнике по двигателям. Никакой любовной чепухи, никаких обязанностей, ничего — сунул, вынул и так далее. Так как, говоришь, тебя зовут?

— Ганс.

— Держи, Ганс. Если не можешь с этим справиться, начни пить. Перископ по левому борту!

У него глюки, подумал Тайхман, и продолжал держать прежний курс. Старик вырвал у него из рук штурвал и резко заложил право на борт.

— Передай-ка по переговорной трубе командующему. Вижу перископ, пеленг три три ноль. Удаление два ноль ноль.

Не желая лишать себя удовольствия, Тайхман передал сообщение. Через несколько секунд он услышал в переговорной трубе голос старика:

— Во-первых, я не командующий, а всего лишь капитан этой убогой рыболовецкой посудыны, во-вторых, скажи помощнику, чтобы шел в каюту и проспался, понял?

— Так точно, капитан.

— Что он сказал?

— Говорит, что вряд ли.
— Да я съем десяток швабр, если это не перископ суб-
марины. Я эти штуки знаю со времен мировой войны. Три
года прослужил на торпедном катере. А это тебе не кош-
ке хвост завязать!

Тайхман встал к штурвалу и вернулся на прежний курс.
Помощник закурил сигару.

— Старик думает, что я пьян?
— Нет.
— Если бы ты сказал — да, от тебя бы мокрого места
не осталось.

— Думаете?
— Поберегись, сынок, когда я пьян, никто не знает,
что могу отчебучить.

Сменившись, Тайхман зашел в штурманскую рубку и
занес в вахтенный журнал свой курс. Старик вошел в руб-
ку вместе с проспавшимся помощником, взял у радиста
радиограмму и сказал помощнику:

— Мы идем на полном ходу к побережью Норвегии, а
затем пойдем домой в пределах трехмильной зоны.

— Если вы полагаете...

— Да, я полагаю. Ультиматум англичан означает вой-
ну. Вам что, неясно? Они там в Берлине ни в грош не ста-
вят этот ультиматум...

— А в Лондоне эту трехмильную зону.

— Что это? Боже, что это было?

— Мой желудок, капитан.

— Прошу прощения. Это что, ультиматум на вас так
повлиял?

— Это мой желудок, капитан.

— Ну, не скромничайте.

— Никогда этим не страдал.

Старик рассчитал новый курс и нанес его на карту. Ухо-
дя, он сказал:

— Господин помощник, ваши манеры поистине ужасны.

— У меня больной желудок, поэтому меня и пучит.

— Вы и ваш желудок — просто дерьмо, вот что я вам
скажу.

— Меня не волнует ваша манера выражаться. Кстати,
во время моей вахты я засек перископ подлодки, но на
вашей стороне переговорной трубы сидела какая-то пья-

ная задница, которая, я полагаю, забыла передать вам мое сообщение.

Вошел радист со второй радиограммой. Старик зачитал ее.

— Мы должны следовать в Гамбург и доложить о своем прибытии командиру военно-морской станции Северного моря, после чего экипажу ждать распоряжений. Помощник, доведите это до сведения матросов.

— А Дора член команды?

— Я сам сообщу своей жене.

— Которой? Той, что в Бремене, или той, что на борту?

— Обеим. В конце концов, я не спрашивал в бюро регистрации браков, можно ли мне взять на борт жену или нет.

— Но вы могли бы спросить разрешения у хозяина. До сих пор он не позволял брать на судно женщин.

— Поэтому я его и не спрашиваю. Есть возражения?

— У меня нет.

Тайхман сходил на склад и наполнил краской ведро. Затем он привязал веревку к боцманскому стулу-беседке, и Штолленберг спустил его у носа корабля на уровень названия. Он закрепил веревку на поручне и спустил ведро с краской и кисть, и Тайхман начал закрасивать букву «А» в названии корабля «Альбатрос».

— Интересно, какой прок Герду от его старика? Он уж давно вышел в тираж. Не верю я и этому помощнику секретаря в министерстве образования.

— Опустит пониже ведро, вот так. Через минуту подашь стул немного вперед.

— Посмотрим.

— Ну, не беспокойся. Чтобы переделать «Альбатрос» в тральщик, нужно время. А сейчас у них даже не нашлось для нас места в доках. А ты слышал, что нам хотят поставить орудие и два пулемета, чтобы было чем пошуметь?..

— Это на тот случай, если английский флот захочет потратить боеприпасы на старое селечное корыто...

— У них и без этого есть о чем беспокоиться. У нас все-таки имеется пара больших посудин; ты видел их в Гельголандской бухте? Неплохо выглядят, а?

— И мы были бы ничего, если б нас назначили на крейсер или куда-нибудь еще.

— Лично мне хватило бы и эсминца.

— Ты можешь продвинуть меня немного вперед? Только смотри не урони в воду.

Штолленберг поднял ведро на палубу, отвязал один конец и закрепил его впереди другого, развернув при этом беседку.

— Ты меня задом повесил, — сказал Тайхман.

— Потерпи немного.

Штолленберг снова перевернул беседку и передвинул ее метра на полтора вперед. Он только собрался опустить ведро с краской, как появился Хейне и позвал всех с собой.

Они спустились в кубрик, который в это время дня пустовал.

— Напяливайте ваши береговые лохмотья, берите документы и все остальное, — сказал Хейне, — мы обедаем сейчас с моим стариком, после этого напишем заявления в военно-морское училище. Это наш единственный шанс обратиться с этой старой крысиной баржи.

— Но у нас нет документов об окончании школы.

— Мой друг, помощник министра, сделает все, что надо; я уже договорился с ним по телефону. Он давний кореш моего папаша, и у него есть сынок, который с помощью моего отца хочет получить диплом, хотя, как вы понимаете, умом не блещет. Так что все схвачено. Надо только нажать в нужном месте.

— Сомневаюсь, что это сработает, — заметил Штолленберг.

— Я сделаю все, чтобы расстаться с этим проклятым селечным корытом.

Отец Хейне жил в своем доме на Бланкенезе. Табличка на садовых воротах гласила: «Профессор Фридрих Хейне».

— У тебя грязь под ногтями, — сказал Штолленберг.

— Ты прав, черт побери, но мне даже ножом не удалось выковырять из-под них деготь, — вздохнул Тайхман и спрятал руки в карманы брюк.

— А я свои ногти отмыл бензином, — поделился опытом Штолленберг. — И неплохо бы тебе надеть свежую рубашку. На этой не хватает пуговицы.

— Оставь его в покое, — вмешался Хейне. — Все это ерунда.

— Надень мой галстук, и он закроет место, где не хватает пуговицы.

Тайхман надел галстук Штолленберга.

— А ты?

— Я надену спортивную рубашку.

— Тебе очень идет.

Они прошли через сад. Дверь открыла девушка.

— Это Молли, — сказал Хейне. — Ее настоящее имя — Мария Хольцнер. Но я зову ее Молли, потому что она такая миленькая и мягонькая. Поцелуй ее, она сделана из...

— Ну что вы, господин Хейне...

— Да не выпендривайся ты!

Молли рассмеялась:

— Мама мне всегда говорила, чтобы я надевала жестяные трусики, когда поблизости появляются моряки.

— А у нас есть открывашка, — сказал Штолленберг и покраснел, когда Молли взглянула на него.

Хейне прошел в кабинет отца, а они остались ждать в небольшой гостиной. Тайхман рухнул в кресло и уставился на портреты Гинденбурга, Лютера и Тирпица. Лютер висел между двумя войками. Затем он передвинул кресло к аквариуму в углу комнаты и заговорил с рыбами. Он сунул палец в воду и смеялся, когда рыбки на него наталкивались.

— Чего это ты тут плещешься? — спросил Штолленберг.

— Меня это забавляет, да и рыбкам нравится. Они тут дохнут со скуки. А сейчас, друзья мои, мы устроим вам маленький шторм, и вы узнаете, что идет война.

— Эдак ты всех рыб на пол выплеснешь.

Отец Хейне был сама вежливость. Тайхман почувствовал, какие тонкие у него пальцы, когда пожимал ему руку. Он заметил, что профессор на полголовы ниже сына. У него были коротко стриженные, с проседью светлые